

Шали / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 23 января, 2025

Шали / рассказ ШАЛИ

Жану Бери

I.

Адмирал де ла Валле, казалось, дремавший в кресле, неожиданно произнес своим старушечьим голосом:

– У меня тоже было небольшое любовное приключение, весьма необычное. Не хотите ли, я расскажу вам?

И, не меняя позы в большом покойном кресле, он начал свой рассказ, храня на сморщенных губах свою вечную улыбку, вольтеровскую улыбку, создавшую ему славу ужасного скептика.

Мне было тогда тридцать лет, и я служил лейтенантом морской службы, как вдруг на меня возложили задачу произвести астрономические наблюдения в Центральной Индии. Английское правительство снабдило меня всеми необходимыми средствами, чтобы я мог выполнить свою миссию, и вскоре я в сопровождении нескольких человек отправился в глубь этой необыкновенной, поразительной, чудесной страны.

Понадобилось бы двадцать томов, чтобы рассказать об этом путешествии. Я проезжал по невообразимо прекрасным местам, меня принимали принцы сверхчеловеческой красоты, окруженные невероятной пышностью. Мне казалось, что эти два месяца я жил, точно герой поэмы, что я странствовал на спине волшебного слона по какому-то феерическому царству. В глубине фантастических лесов я открывал бесподобные развалины; в городах, точно созданных фантазией сновидения, я видел чудесные здания, изящные, чеканные, как драгоценности, легкие, как кружева, и огромные, как горы, – эти сказочные и божественно прекрасные здания, исполненные такой прелести, что можно влюбиться в них, как влюбляются в женщину, и испытывать при виде их какое-то физическое, чувственное наслаждение.

Словом, как говорит господин Виктор Гюго, я шел, грезя наяву. Наконец я достигнул цели своего путешествия, города Ганхары, который некогда был одним из самых цветущих городов Центральной Индии, а теперь, придя в полный упадок, управлялся раджою Мадданом, очень богатым, властным, неистовым, щедрым и жестоким принцем – настоящим восточным повелителем, утонченным и диким, ласковым и кровожадным, женственно обаятельным и беспощадным.

Город расположен в долине, на берегу небольшого озера, окруженного множеством пагод, стены которых омываются водой. Издали город похож на белое пятно; по мере приближения к нему оно все растет, и вот мало-помалу начинаешь различать купола, шпили, стрельчатые башни – все эти легкие и стройные кровли прелестных индусских зданий.

На расстоянии около часа езды от городских ворот я увидел великолепно убранного слона в окружении почетной стражи, высланной мне навстречу повелителем. И я весьма торжественно был доставлен во дворец.

Я хотел было надеть свой парадный костюм, но нетерпение раджи было слишком велико. Он желал прежде всего познакомиться со мною и узнать, могу ли я доставить ему какое-либо развлечение, а там видно будет.

В сопровождении бронзовых, точно статуи, солдат, одетых в сверкающие мундиры, я был введен в большой окруженный галереями зал, где стояли люди в ярких одеждах, блиставших драгоценными камнями.

На скамье, похожей на наши садовые скамейки без спинок, но покрытой великолепным ковром, я увидел нечто ослепительное, сияющее, как солнце, восседающее на троне; это был раджа, – он ждал меня, неподвижно сидя в одежде ярчайшего канареечного цвета. На нем было на десять или пятнадцать миллионов бриллиантов, а на лбу одиноко сияла знаменитая звезда Дели, издавна принадлежавшая славной династии Парихара из Мундоры, потомком которой являлся мой хозяин.

Ему было лет двадцать пять; на первый взгляд казалось, что в жилах его течет негритянская кровь, хотя он и принадлежал к чистейшей индусской расе. У него были широко расставленные,

неподвижные, немного затуманенные глаза, выдающиеся скулы, толстые губы, курчавая борода, низкий лоб и блестящие острые зубы, которые он часто обнажал в произвольной улыбке.

Он встал, прошел ко мне навстречу, пожав мне руку по-английски, потом посадил меня рядом с собой на такую высокую скамейку, что ноги мои едва касались пола. Сидеть на ней было очень неудобно.

Он сразу же предложил мне завтра охоту на тигров. Охота и борьба были его любимыми занятиями, и он совершенно не понимал, как можно заниматься чем-либо другим. По-видимому, он был убежден, что я приехал из столь далеких стран лишь для того, чтобы немножко развлечь его и принимать участие в его забавах.

Но он мне был очень нужен, и я старался всячески похвалить его склонностям. В полном удовлетворении от беседы со мной, он пожелал сейчас же показать мне состязание борцов и повел меня внутрь дворца, где было устроено нечто вроде арены.

По его приказанию, появились два голых медного цвета человека, со стальными когтями на руках; они тотчас же бросились друг на друга, пытаясь нанести удары своим острым оружием, которое бороздило их темную кожу длинными кровоточащими порезами.

Длилось это долго. Тела обратились уже в сплошную рану, а борцы все продолжали раздирать друг другу кожу этими своеобразными граблями с острыми зубцами. У одного была искромсана вся щека, у другого ухо было рассечено на три части.

А раджа смотрел на них с кровожадным и страстным восторгом. Он трепетал от блаженства, испуская от удовольствия какие-то нечленораздельные звуки, и, бессознательно подражая своими жестами всем движениям борцов, непрестанно кричал:

– Бей, бей его!

Один из борцов упал без сознания; пришлось унести его с арены, залитой кровью, и раджа испустил глубокий вздох сожаления, огорчаясь, что все кончилось так скоро.

Затем он повернулся ко мне, желая узнать мое мнение. Я негодовал, однако горячо выразил ему свой восторг, после чего он приказал проводить меня в Куш-Махал (Дворец наслаждений),

где я должен был поселиться.

Я шел по неописуемо прекрасным садам, какие встречаешь лишь в этой стране, и наконец добрался до своей резиденции.

Дворец Куш-Махал – подлинная драгоценность – был расположен в конце царского парка, и стены его с одной стороны погружались в священные воды озера Виара. Это было квадратное здание, опоясанное со всех четырех сторон тройным рядом галерей с чудесно изукрашенной колоннадой. На каждом углу возвышались одна или две легкие башенки, то высокие, то низенькие, различной высоты и разных форм, настоящие живые цветы, распустившиеся на этом грациозном растении восточной архитектуры. Все они заканчивались причудливыми крышами, похожими на кокетливые шапочки.

В центре здания, завершаясь восхитительной, тонкой, ажурной колоколенкой, высился огромный и слегка удлинённый округлый купол, похожий на женскую грудь, высеченную из белого мрамора, устремленную к небу.

Все здание сверху донизу покрыто было скульптурой, пленяющими взор изысканными арабесками, недвижной вереницей изящных человеческих фигур, позы и окаменевшие движения которых говорили о нравах и обычаях Индии.

Свет проникал в комнаты через окна, выходящие в сад и украшенные небольшими зубчатыми арками. На мраморном полу были выложены красивые букеты из оникса, ляпис-лазури и агата.

Едва я успел закончить свой туалет, как один из придворных сановников, по имени Харибадада, специально уполномоченный держать связь между мной и принцем, возвестил мне о приходе своего повелителя.

И передо мной предстал желтый, как шафран, раджа. Он снова пожал мне руку и стал рассказывать о всевозможных вещах, беспрестанно спрашивая мое мнение, что приводило меня в немалое замешательство. Затем он пожелал показать мне развалины древнего дворца на другом конце парка.

Это был настоящий каменный лес, заселенный множеством больших обезьян. При нашем приближении самцы принялись карабкаться по стенам, строя нам ужасные гримасы, а самки пустились бежать, показывая голый зад и унося на руках детенышей. Раджа хохотал,

как безумный, щипал меня в плечо, чтобы выразить мне свой восторг; затем уселся посреди развалин, а вокруг нас, разместившись на корточках по верху стен, примостившись на всех выступах, целое сонмище зверей с белыми бакенбардами показывало языки и грозило кулаками.

Наскучив этим зрелищем, желтый повелитель поднялся и важно проследовал дальше, продолжая тащить меня с собой, радуясь, что в первый же день моего прибытия показал мне подобные диковины, и напоминая, что завтра в мою честь состоится большая охота на тигров.

Я побывал на этой охоте, потом на второй, третьей, десятой, двадцатой. Охотились поочередно на всех зверей, которые водятся в этой стране: на пантер, медведей, слонов, антилоп, гиппопотамов, крокодилов и уж не знаю, на кого еще, – пожалуй, на добрую половину всех существующих животных. Я изнемогал, с отвращением глядя на льющуюся кровь, устав от этих однообразных развлечений.

Наконец пыл раджи несколько ослабел, и, внимая моим настоятельным просьбам, он предоставил мне некоторый досуг для работы. Теперь он довольствовался тем, что осыпал меня подарками. Он присылал мне драгоценности, великолепные ткани, дрессированных животных, и все это Харибадада подносил мне с выражением якобы глубочайшего почтения, точно я был само солнце, хотя в душе он меня глубоко презирал.

Каждый день вереница слуг приносила мне на блюдах, покрытых крышками, отведать от каждого кушанья со стола повелителя, каждый день мне приходилось присутствовать на каком-либо новом развлечении, устроенном в мою честь, и я должен был наслаждаться то танцами баядерок, то фокусниками, то военными парадами и всем, что только ни придумывал гостеприимный, но докучливый раджа, желая показать мне свою изумительную страну во всем ее очаровании, во всем ее блеске.

Как только меня оставляли на время в одиночестве, я принимался за работу или же уходил к обезьянам, общество которых привлекало меня бесконечно больше, чем общество принца.

Но как-то вечером, вернувшись с прогулки, я встретил у дверей моего дворца Харибададу, который торжественно и в таинственных

выражениях объявил мне, что в моей комнате меня ожидает подарок повелителя; при этом он передал извинения от моего хозяина, что последний раньше не подумал предложить мне то, чего мне не доставало.

После этой туманной речи посланник поклонился и исчез.

Я вошел и увидел шестерых маленьких девочек, выстроившихся по росту вдоль стены и неподвижно стоявших рядом, точно корюшки, нанизанные на вертел. Самой старшей из них было, вероятно, лет восемь, а самой младшей – лет шесть. В первую минуту я не понял даже, зачем этот детский сад очутился у меня, но потом угадал деликатное внимание принца: он прислал мне в подарок гарем. В виде особой любезности он выбрал самых молодых. Ведь чем зеленее плод, тем больше его ценят в этой стране.

Я стоял совершенно растерянный, смущенный и сконфуженный перед этими крошками, которые смотрели на меня большими серьезными глазами и, казалось, уже знали, что я могу потребовать от них. Я не находил, что им сказать. У меня было желание отослать их назад, но подарков повелителя не возвращают. Это было бы смертельным оскорблением. Следовательно, приходилось оставить и разместить у себя эту стайку малюток.

Они стояли неподвижно, продолжая пристально разглядывать меня, ожидая моих приказаний и стараясь по глазам отгадать мои мысли. О, проклятый подарок! Как он меня тяготил! Наконец, чувствуя, что становлюсь смешным, я спросил самую старшую:

– Как тебя зовут?

Она ответила:

– Шали.

Эта девочка, с прелестной кожей, слегка желтоватой, подобно слоновой кости, со строгими чертами продолговатого личика, была необычайно хороша, точно статуэтка.

Тогда, желая узнать, что она ответит, а может быть, и смутить ее, я спросил:

– Зачем ты здесь?

Нежным, мелодичным голосом она ответила:

– Я пришла сюда, господин мой, выполнить все, что тебе угодно будет от меня потребовать.

Девочка знала, зачем она пришла. Я задал тот же вопрос самой

маленькой, и она еще более тонким голоском отчетливо проговорила:

– Я здесь, господин мой, чтобы исполнить все, чего тебе от меня угодно.

Она была похожа на мышонка и так мила, что прямо прелесть. Я взял ее на руки и поцеловал. Остальные сделали движение, как бы собираясь удалиться, и считали, должно быть, что я уже сделал мой выбор, но я приказал им остаться и, усевшись по-индусски, велел им сесть в кружок около меня, а затем стал рассказывать сказку о волшебных духах, потому что довольно сносно говорил на их языке.

Они слушали с напряженным вниманием, трепетали при всякой таинственной подробности, дрожали от страха и всплескивали ручонками. Бедняжки уже совсем забыли, зачем их привели сюда.

Окончив сказку, я позвал своего доверенного слугу Лачмана и велел принести конфет, печенья и варенья, причем они столько всего съели, что можно было заболеть; затем, начиная находить чрезвычайно курьезным это приключение, я решил устроить игры, чтобы позабавить моих маленьких жен.

Одна из игр имела особенный успех. Я расставлял ноги и изображал мост, а шесть моих крошек пробегали под ним, самая маленькая впереди всех, а позади самая большая, которая каждый раз немного задевала меня, так как недостаточно наклонялась. Это вызывало у них взрывы оглушительного смеха, и молодые голоса их, звеня под низкими сводами моего роскошного дворца, пробуждали его, наполняли детским весельем, вносили в него жизнь.

Затем я очень заботливо занялся устройством дортуара, где должны были спать мои невинные наложницы. И, наконец, водворил их там под присмотром четырех прислужниц, которых принц прислал мне вместе с ними, чтобы ходить за моими маленькими султаншами.

В течение недели мне доставляло истинное удовольствие изображать папашу этих куколок. Мы восхитительно играли в прятки, в кошки-мышки, в пятнашки, и девочки были в неопишемом восторге, потому что я каждый день показывал им

все новые, интереснейшие игры.

Жилище мое теперь стало похоже на школу. И мои маленькие подруги, одетые в прекрасные шелка, в ткани, шитые золотом и серебром, бегали, словно какие-то человекообразные зверюшки, по длинным галереям и по тихим залам, куда сквозь оконные арки проникал лишь слабый рассеянный свет.

Потом, однажды вечером, не знаю как, самая старшая из них, та, которая назвалась Шали и была похожа на статуэтку из старой слоновой кости, сделалась и вправду моей женой.

Это было обаятельное существо, нежное, робкое и веселое; она вскоре горячо полюбила меня, и я тоже любил ее странной, стыдливой, полной колебаний любовью, смешанной с некоторого рода страхом перед европейским правосудием, с порывами сдержанности, с угрызениями совести и в то же время со страстной чувственной нежностью. Я любил ее, как отец, и ласкал ее, как мужчина.

Простите, сударыни, я захожу немного далеко.

Остальные продолжали играть во дворце, точно куча котят.

Шали со мной не расставалась, разве только когда я уходил к принцу.

Мы проводили вместе чудесные часы в развалинах старого дворца, среди обезьян, ставших нашими друзьями.

Она неподвижно лежала у меня на коленях, и какие-то мысли мелькали в ее маленькой головке сфинкса, а может быть, она и не думала ни о чем, сохраняя только эту очаровательно красивую позу, унаследованную от своего благородного и мечтательного народа, позу священных статуй.

Я приносил на большом медном блюде всякую еду, пирожные и фрукты. Постепенно обезьяны приближались к нам, сопровождаемые боязливymi детенышами, потом все они садились в кружок вокруг нас, не осмеливаясь подойти ближе и ожидая, когда я начну раздавать лакомства.

И вот каждый раз один самец, который был похрабрее других, приближался ко мне, протягивая руку, как нищий; я давал ему кусочек, и он поспешно относил его своей самке. Все же остальные поднимали яростные крики, крики зависти и гнева, и прекратить этот ужасный содом я мог только тем, что каждому

бросал его долю.

Мне так понравились эти развалины, что я даже решил принести сюда свои инструменты и работать. Но как только обезьяны увидели медные части точных приборов, они, приняв их, вероятно, за смертоносное оружие, с отчаянным воплем разбежались во все стороны.

Мы с Шали часто проводили также вечера на одной из наружных галерей, которая высилась над озером Виара. Молча рассматривали мы ярко блестевшую луну, которая, скользя по небу, сбрасывала на воду серебристую струю своего покрывала и смотрела на маленькие пагоды, разбросанные на другом берегу, напоминавшие грибы, растущие из воды. Взяв в руки головку моей маленькой любовницы, я медленно, долго целовал ее гладкий лоб, большие серьезные глаза, полные тайн этой древней и сказочной земли, ее спокойные губы, раскрывавшиеся под моим поцелуем. И я испытывал какое-то смутное чувство, захватывающее и прежде всего поэтическое чувство, что в этой маленькой девочке я обладаю всей расой, прекрасной таинственной расой, от которой, кажется, произошли все остальные.

Между тем раджа продолжал осыпать меня дарами.

Однажды он прислал мне совершенно неожиданную вещь, вызвавшую у Шали страстный восторг. Это была самая обыкновенная картонная коробка, покрытая мелкими раковинами, приклеенными простым клейстером. Во Франции она не стоила бы и сорока су. Но здесь это было бесценное сокровище. Несомненно, она была первая, появившаяся во владениях раджи.

Я поставил ее на стол, посмеиваясь над тем, какое значение придавали этой дрянной базарной безделушке.

Но Шали без усталости разглядывала ее и восхищалась ею в каком-то почтительном экстазе. Время от времени она спрашивала меня: «Ты позволишь мне потрогать ее?» И когда я разрешал, она приподнимала крышку, потом закрывала ее с величайшей осторожностью, нежно-нежно гладила своими тонкими пальчиками россыпь маленьких ракушек и, казалось, испытывала от прикосновения к ним высшее наслаждение, пронизывающее все ее существо.

Между тем все мои работы уже были закончены, и мне пора было

возвращаться. Я долго не мог на это решиться, меня удерживала теперь привязанность к моей маленькой подруге. Но, наконец, пора было ехать.

Огорченный принц устроил новые охоты, новые состязания борцов, но после двух недель подобных развлечений я сказал, что больше оставаться не могу, и он отпустил меня на свободу.

Прощание с Шали было душераздирающим. Она плакала, прижавшись ко мне, положив головку мне на грудь, вся сотрясаясь от рыданий. Я не знал, чем ее утешить, мои поцелуи не помогали.

Неожиданно мне в голову пришла одна мысль: я встал, принес коробку из ракушек и вложил ее в руки Шали.

– Это тебе. Она твоя.

Я увидел ее улыбку. Все лицо ее светилось внутренней радостью, той глубокой радостью, которая бывает, когда несбыточная мечта вдруг превращается в явь.

Она горячо поцеловала меня.

И все-таки в минуты последнего прощания она безутешно плакала.

Я наградил отеческими поцелуями и пирожными всех остальных своих жен и уехал.

II.

Прошло два года, и капризы морской службы снова забросили меня в Бомбей. По непредвиденным обстоятельствам, меня оставили там для выполнения новой миссии, которой способствовало мое знание страны и языка.

Я быстро закончил свои работы, и так как в моем распоряжении оставалось еще три месяца, то решил посетить моего друга, повелителя Ганхары, и повидать мою милую маленькую жену Шали, которая, наверное, очень изменилась за это время.

Раджа Маддан встретил меня проявлением неистовой радости. Он приказал убить у меня на глазах трех гладиаторов и в первый день моего приезда не оставлял меня одного ни на секунду.

Наконец вечером, оказавшись на свободе, я велел позвать Харибададу и, задав ему множество самых разнообразных вопросов, чтобы притупить его проницательность, спросил:

– А не знаешь ли ты, что случилось с маленькой Шали, которую мне

подарил раджа?

Харибадада, изобразив на своем лице досаду и печаль, ответил с большим смущением:

– Лучше не говорить о ней.

– Почему же? Она была такая милая маленькая женщина.

– Она пошла по дурному пути, господин мой.

– Шали? Что же с ней стало? Где она?

– Я хочу сказать, что она плохо кончила.

– Плохо кончила? Она умерла?

– Да, господин. Она совершила низкий поступок.

Я был сильно взволнован и чувствовал, как бьется мое сердце, как тревога сжимает грудь. Я повторил:

– Низкий поступок? Что же она сделала? Что с ней случилось?

Харибадада, приходя все в большее и большее смущение, прошептал:

– Лучше не спрашивайте об этом.

– Нет, я хочу знать!

– Она совершила кражу.

– Как, Шали? У кого же?

– У вас, господин мой.

– У меня? Как так?

– Она украла у вас в день вашего отъезда шкатулку, которую подарил вам раджа. Шкатулку нашли у нее в руках.

– Какую шкатулку?

– Шкатулку из ракушек.

– Но я сам ей подарил ее!

Индус поднял на меня изумленные глаза и ответил:

– Да, она действительно клялась всеми священными клятвами, что вы ей подарили ее. Но никто не поверил, чтобы вы могли отдать рабыне царский подарок повелителя, и раджа приказал ее наказать.

– Как наказать? Что с ней сделали?

– Ее завязали в мешок, господин мой, и бросили в озеро из окна той самой комнаты, где она совершила кражу.

Я почувствовал, как меня охватило самое жестокое горе, которое я когда-либо испытывал, и сделал знак Харибададе удалиться, чтобы он не видел моих слез.

Я провел всю ночь на галерее, выходящей на озеро, на той самой галерее, где столько раз держал бедную девочку на коленях.

И я думаю о том, что скелет ее маленького разложившегося тела, некогда такого прелестного, находится там, внизу, подо мной, в холщовой мешке, завязанном веревкой, на дне этих черных вод, на которые когда-то вместе смотрели.

Я уехал на другой же день, несмотря на просьбы и величайшее огорчение раджи.

И теперь мне кажется, что я никогда не любил ни одной женщины, кроме Шали.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 15 апреля 1884 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод Е.Поликарповой. Neкаýalar